

■ Когда тебя встречает машина «линкольн», лимузин длиною метров 5, внутри холодильник, бар, приемник, телевизор и за рулем Леня — бывший администратор какого-то театра, — есть от чего содрогнуться.

Америка — другая страна. Америка — тот свет, и, конечно, первые впечатления — это виски со льдом и небоскребами.

Так построят невозможно — квадратные, стоячие, зеркальные, уходящие вверх. Домино. Освещены верхушки, серединки — желтым, белым, сиреневым. Дорога, дорога, музыка, мы сидим притихшие.

Америка — это высота и длина. Америка уходит вверх и уходит вдаль. Америка — это лифт и автомобиль.

Америка — это колотый лед. Лед мешками в самолете и автомобиле, во все напитки.

Америка до боли похожа на Россию. Америка — совсем другая планета.

Нью-Йорк — это мороз, грязный снег, ржавые авто под снегом. Такси не останавливаются. Стоишь по полчаса. Такси страшные, можно сесть только сзади — водитель отделен стеклом, деньги через ящичек. Стекло в железной раме, приваренной такими же безобразными полосами, как на нашем судоремонтном заводе. Водитель так же не понимает, как наш, так же не хочет, так же истеричен, и, не выходя на полное незнание английского, вы прекрасно понимаете его истерику:

— Здесь нельзя стоять, сколько я могу ждать, где ваш товарищ? Плевал я на ваш доллар, вон дорожная полиция.

Полиция ловит так же, так же появляется сзади, так же из обыкновенного авто превращается в полицейское с огнями и сиреной, но приближаются они к водителю сзади, с двух сторон, руки на пистолетах, останавливаются у средней стойки вашего автомобиля, чтоб вам стрелять было неудобно.

Ну, гаишники, молитесь богу, что мы здесь такие тихие, там стреляют до разговора. У него в машине компьютер, и вся ваша жизнь перед ним. Паспортов в Америке нет — только права. Прописки в Америке нет, только права. Национальности в Америке нет — только права.

Штраф! Два или три штрафа — лишние прав. Разговор с полицией — дело серьезное. Он стреляет без предупреждения. Особенно после захода солнца, когда каждое ваше движение может стать угрожающим.

Правда, в суде он такой же, как и вы, и ему нужно доказать.

Америка — это хорошие дороги. Но Америка — это забытые дороги.

Трафик — это движение. Трафик — это пробки. Вся Америка на машинах. Все наши на машинах. Это не их заслуга. Это заслуга Америки.

Америка — это авто с автоматикой передач:

- движение
- реверс
- нейтраль

1—2 скорости для тяжелой дороги.

На руле — автопилот-круизавтомат, что ли. На трассе при постоянном режиме вы нажимаете «круиз», и в этом режиме до первого нажатия на тормоз, затем все сначала.

На дверцах кнопки, стекло вверх-вниз, зеркала вправо-влево, сиденье выше-ниже, вперед-назад и наклон — вы можете лежать на боку и смотреть через локоть. Приемник-компьютер настраивается на волну УКВ.

Америка — это круглосуточно легкая музыка.

Америка — это и классическая музыка по какому-то каналу.

Здесь не нужен ни видео, ни магнитофон. Она играет и показывает круглосуточно по 12—16 каналам. Воткнул — уже стреляют и кричат.

Самое красивое в Америке — небоскребы и грузовики. Небоскребы, как сказала Татьяна Толстая, страшно сексуальны. Америка торчит. Города торчат вверх, твердо и длинно. Ладонью провести по грани небоскребов — порежешься. Центр торчит, торчат районы, торчит Манхэттен, торчит Чикаго, торчит Бостон.

Лос-Анджелес растянут. Сансет — бульвар заходящего солнца километров на 50. Небоскребов нет.

Грузовики в Америке сводят с ума. Дворцы. Страшилища. Дико сексуальное мужское чудовище — ничего похожего на наши. Никелированные трубы торчат вверх — радиатор, как абстрактная картина в раме. Пробка на радиаторе сияет. Матас колес. Колпаки горят, бак сияет, мерцают желтые и красные огни, прожектора, сигнал — трубный глас слона или рык льва. Когда они ночью собирают мусорные баки — будто пассажирский пароход разворачивается на асфальте. И еще небольшое достоинство — обогнать его невозможно.

Америка — это другая еда. Питье со льдом. То есть из-под льда вытекает

«пепси» или «кола». Что-то в этом есть. Я привык. Горло перестает болеть. Сип проходит.

Америка — это зеленая еда. Это салаты. Огромный поднос салата, как тот поднос, что у нас в столовой. Запечатан пленкой — зелень. То есть листья салата, морковка тертая, петрушка итальянская, как заправка химическая, спаржа, лук, травы какие-то, турнепсы, свекла и т. д., и т. д. К этому разные соусы — выбираешь сам, распечатываешь и поливаешь — то ли уксус с маслом, то ли томат, то ли майонез. Сожрав такой салат, в принципе, сыт, и это самое вкусное. Бифштексы, омлеты, сосиски — либо недо-, либо пересолены, скорее, недо-, все слегка нечеловеческое, все слегка искусственное. Клубники в январе. полно, но ее нужно делать, ей нужно придавать вкус клубники — джемами, вареньями, сливками, шоколадами. Арбузы, дыни, авокадо, папайя, киви, манго... Какой-то плод надо перчить, какой-то солить, пакетов нет. Есть полистиленовая лента на колесе, отматываешь и открываешь — это пакет.

Чтобы понять, чего мы себя лишили, чтобы понять, что могут руки человеческие, чтобы понять, что дает земля, нашим людям нужно сделать четырехчасовую передачу из супермаркета. Надо на-

специальная бригада изолировала все розетки, штепсели. Он ползает и грызет, что хочет, и сидит среди всех, не лежит, а сидит на стульчике с рукояткой. Его за рукоятку берут и ставят на кухонный стол, когда готовят еду, он среди шелухи и огрызков на плите, на письменном и обеденном столе среди обедающих, он среди всех и наблюдает за всеми, а не вякает вдали в коляске, поэтому не плачет и не кричит никогда. Мы уже не говорим о питании. У него специальное питание из баночек, коробочек. Еды избыток.

Америка — не лучшее качество товаров, ремонта. Богатая Америка носит итальянскую обувь, английские костюмы, немецкие автомобили. Европейские товары престижнее и лучше.

Китайские рестораны вкуснее, русские женщины лучше. Ну, то есть настолько лучше, что только они и только они, из-за них мы здесь.

Американки похожи на парниковые помидоры — красивые, «крепкие», калиброванные.

— Я готова с вами быть, некоторые формальности, пожалуйста, ваш анализ крови, ваше положение, ваши доходы.

После сверки всех документов я зави- дую мужчине, сохранившему самооб-

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ:

Я ИГРАЮ АМЕРИКУ!

рушить эту из всех военных самую военную тайну. Она уже перестала быть тайной. Надо перестать играть воображением и увидеть, что же продается в американском универсаме. Единственное, что может встряхнуть нашего человека, единственное, что придаст ему уверенность в себе. Не сломает его, не потрясет. Наши туристы ведут себя по-разному: кто плачет, кто-то в обморок падает, кто-то пытается повеситься, кто-то выходить не хочет. А там ничего особенного — просто есть все. Абсолютно все, что мы знаем, слышали, где-то читали, видели на картинках. Это половина, а половина — то, чего мы не знаем, не видели и не слышали. И это нужно видеть, чтоб сыграл здоровый дух соперничества, чтоб мы поняли, что может дать земля, что может дать вода, что может дать зима, что может дать лето.

— Когда у вас появляется первая клубника?

— В шесть утра!

Когда у тебя конвертируемый рубль, на тебя работает весь мир. А мир круглый. Когда в Северном полушарии начинают арбузы, они появляются в Южном, так же помидоры. Парниковая клубника — круглый год. Пройдешь теплицу от побегов вначале до готовых плодов в конце — 300 кг каждый парник в день. Но она невкусная, гидропоническая, но ее полно, но она невкусная, но ее много. Вкусная израильская, марокканская, африканская, но дорогая, но есть, но вкусная, но дорогая. Либо одна помидорка доллар, либо килограмм доллар. Зато полно и выбирай. Мясной отдел метров 300—500, колбасы висят дождем, окорока. Кофе с кофеином, кофе без кофеина, сахар с сахаром, сахар без сахара. А в русских магазинах и селедники, и балыки, и «боржом», и крабы, и икра, и бандажаны, и консервы осетровые, и водочка самая, самая, горы апельсинов, горы мандаринов.

Японский фигурист спрашивает, что за плоды продавались зимой в Москве в гостинице — мелкие, зеленые, кислые из грязного ящика, но, видимо, вкусные, вежливо добавил он.

— Мандарины.

— Нет, — говорил он, — мандарины я знаю. Это величиной, как апельсины, шкурка очень легко отделяется, сладкие. А те были мелкие, зеленые, кислые, навало из ящика.

— Мандарины.

— Нет. Мандарины я знаю.

— Да и те были мандарины, и эти.

Только те для нас.

Эти иногда называются клементины. Чуть острее, чем мандарины, легкая кислинка.

Куда, куда девается то, что не продано?

Мало непроданного, тот, кто держит магазин, уже знает спрос. Многие выбрасываются. В ресторанах, гостиницах нетронутые колбасы, ветчины — в урны, в урны.

В Америке собаки не лают, дети не плачут. Ни одной шикающей мамыши, ни одного кричащего дитяти. Никто никого злобно не шлепает: «Я кому сказала! Я кому сказала!».

Пеленки у грудного разовые, вся его жидкость куда-то проваливается, он всегда в сухом. На специальной лампе греются запасные подгузнички, трусики — снял сухое, надел сухое. В его комнате

ладание. Попробуйте что-то выяснить без языка. А секс — это слова. А их нет. Умолчающие глаза у всех.

Америка — это спешащие, независимые, деловые женщины со своей работой, со своим доходом. Чем ты ее можешь покорить? У нас такие же балерины: чем дальше от нее, тем она женственней.

Америка бежит в чем попало. Самые элегантные женщины в трусах поверх штанов, лицо платнами, на голове повязка, стоптанные кроссовки.

Бегущий никого не удивляет, вокруг Белого дома, конгресса, на оживленных улицах.

А пешеходы, озабоченные, спешащие, головы опущены.

Если не поднимать головы — Россия: снег, стены грязные, надписи на стенах. Поднимешь — неопишимо. Небоскребы зеркалами уходят вверх выше и выше, цветные. Опустись — районы четко делаются. Слои четко делаются. Как надоела фраза «Нью-Йорк — город контрастов», но что поделаешь. И вообще: наша пропаганда внесла самый большой вклад в наше представление, что Америка — это рай. Чем больше нам внушали, что рай здесь, а ад там, тем крепче мы верили, что все наоборот. Мы видели лица тех, кто это нам внушает, как они изо всех сил стараются сидеть там, как они устраивают туда детей, как они осаждают МГИМО, Внешторг, международный отдел, морской флот. Вся сила любви к родной стране используется для того, чтоб сидеть там — в ненавистном аду.

Неужели мы переедем все туда, а здесь нам американцы почистят, построят коммунизм под ключ, и мы вернемся?

Там не рай и здесь не ад. Все перемешалось. Что здесь главное? Мы! Там нас нет, и это очень чувствуется. Вот ради нас и нужно хорошо знать ту жизнь и эту.

А мы не только ту, мы свою жизнь не знаем, мы ее открываем, как Америку.

Америка — это круглые сутки. Она не спит, круглые сутки работают магазины, можно купить и съесть, можно выпить кофе, можно заказать домой.

Можно, можно, но это же кто-то делает. Кто-то же работает. С серыми лицами возвращаются домой женщины, тушь течет по щекам, руки в чернилах. С серыми лицами бегает продавцы и совсем не вежливы. Откуда все в магазинах? Кто-то же все это производит. Платят, много платят, и люди знают, куда идут налоги. То, чего нам не хватает. Мы содержим правительство, а не оно нас, за наш счет работают министры. Неплохо бы иногда слышать, как и на что они тратят наши деньги. Какова зарплата аппарата?

Когда меня выпускали туда, здесь кричали: «Он там останетсся». Когда я возвращался сюда, там кричали: «Его здесь посадят».

Я постарался обмануть и тех, и других. Ведь надо кому-то рассказать об Америке!

— Вам нравится Америка? — Там принято отвечать: да! Там принято отвечать: очень. Там не принято отвечать подробно.

Улыбаются все, как будто включены в сеть. Если на вопрос «Вам нравится Аме-

САТИРИКА

рика?» вы потратили больше секунды — выключился штепсель, улыбок нет. Спрашивающего нет. Есть унылая оболочка. Никто не знает, когда у них выключится лицо. Оно выключается внезапно и на самом интересном месте. В Америке не принято спрашивать о зарботке, хотя это самое интересное.

Вкалывать надо невероятно, из всех частей тела идет дым, как в реку попал — тебя несет. Читать некогда, узнавать некогда. «Я книг не читаю, я читаю газеты». «Я в театр не хожу». Об этом говорят с гордостью. «Вот там сидит человек, он читает книги, вы все у него узнаете». «Не знаю, как называется этот океан, вот сидит географ — он знает». «Вот сидит математик — он знает».

Моя мама готовит лучше, чем вся Америка.

Если мы здесь многовековой борьбой, через лишения и бедствия завоевали святое право за 100 рублей в месяц ни черта не делать, то там, наоборот, чтоб стоять — надо бежать. Аналогия с рекой полная. Чтоб не опуститься, надо работать руками, ногами, головой. Он один раз не был на теннисе, он второй раз не был в бассейне — пошел слух. Вот уже к нему богатый клиент не пошел, вот он, бодрясь и улыбаясь, опустился на ступеньку ниже, потом еще ниже, потому что подниматься, что тут, что там, можно один раз. Вот он уже сидит дома, а вот он уже с неграми, пуэрториканцами играет в очко.

Работает, работает, в 6 утра подъем, в 10 вечера отбой. Дома считает копейку, на курорте отдаст десять тысяч. Запланировано. У него запланировано всю жизнь экономить, у него запланировано в Лас-Вегасе проиграть. Показать всем, как я живу.

Скука до выворота челюстей, как и еда. Как и деловые женщины, как и деловые мужчины, как шоу на Бродвее. Льет огромная вода, горит огонь и голых полно, и люди ползают, как кошки, и мужчины есть эффективные, и попочки есть изумительные, и все там это есть, и ничего там больше нет, и все там разбилось по породам. Эти читают книги, эти делают деньги, эти ищут лекарства, эти выдумывают самолет, эти знают только, куда нажимать, где выключать. Никто не знает, как устроено. Знают несколько мальчиков в Хьюстоне, у них и спросите.

Человеческое разнокалиберное общество вырабатывает свои законы.

Можно груши купить. А можно, заплатив, в чужом саду собрать для себя самые лучшие, самые свежие, можно, заплатив, нарвать себе землянику, малину, зелень. Между замыслом и воплощением никто не стоит.

Один наш разбогател. Он для парализованных в больницах придумал тренажеры, которые штампуя детали для очков, часов, шнурков. Они же все равно тренируются, так не бесполезно, из них сыплются какие-то цилиндрики, кнопки, скрепки, они у него зарабатывают, он на них.

Грязнее воздуха, чем в Москве, нет. Но над Лос-Анджелесом смог стоит желтый, не доходя до облаков. Пешеходов нет. То есть они есть, но на машинах. Люди ищут, ищут. Гений зарабатывает много, вор зарабатывает много, деловой зарабатывает много, убийцы зарабатывают много. Свидетелей нет. В ресторан «Одесса» зашли двое, застрелили сидящего за столом, зал был полон, а полиция ничего не может выяснить. Свидетелей нет.

— Миша, здесь сажают только, если ты выстрелил в человека. И то можно откупиться.

Здесь нет экономических преступлений; то, за что сажают в Союзе, здесь приветствуется. Там спекуляция, здесь — бизнес. Все тебя немножко употребляют, но это бизнес. Ты кого-то, а кто-то тебя. Самое страшное — не платить налоги. ОБХСС против налогового управления — дети неразумные.

Хороший адвокат спасает тебя от всего, даже если ты тещу отравил, но если ты попался на налогах — всё, они даже не берутся.

Полиция берет и не берет. Некоторые наши попались, некоторые нет.

На дороге поймают. Один на один. Сунешь ему — возьмет и тут же протокол на тебя. Но можно откупиться. Сажает в самом крайнем случае. Штрафуют, берут деньги. Отпускают под залог. Государство, город, адвокат — все хотят денег, никто не заинтересован, чтобы ты сидел в тюрьме, где тебя надо поить, кормить.

— Миша, в тюрьму сажают только, если ты убьешь человека, если ты выстрелишь, если пырнешь ножом.

Какая разница между Россией и Америкой? Жизнь — там, но люди — здесь.

(Продолжение, может быть, и последует).